

УПРАВЛЕНИЕ АРХАИЗАЦИЕЙ: МЕЖДУ ЭТИКОЙ, ТЕЛЕОЛОГИЕЙ И ТЕХНОЛОГИЕЙ

В.И. ПРЖИЛЕНСКИЙ

Россия, вперед! А куда вперед? Конечно же, туда где модерн, т.е. в модернизацию, куда же еще? Не назад же! А получится ли? Почему же нет? Путь в модернизацию должен быть открыт для всех, кто этого хочет. Бери и модернизируйся себе на здоровье. По крайней мере, направление ясно. Только вот, при всех этих очевидностях, не покидает ощущение, что как-то не так все происходит и что не очень-то похоже это происходящее на модернизацию. Став частью мирового рынка и получив возможность импортировать товары и услуги из самых разных уголков планеты, мы действительно приобщились к техническому модерну: компьютерам и навигаторам, мобильным телефонам и социальным сетям, экзотическим курортам и продвинутым видам досуга. Автор этих строк еще застал то время, когда сообщение о рождении нового поколения ПК в США сопровождалось публикацией в журнале «Радио» соответствующих схем, чтобы квалифицированные электронщики и в особенности энтузиасты-любители могли попробовать усовершенствовать свой самодельный компьютер, состоящий из черно-белого телевизора и бытового магнитофона, выступающих в качестве монитора и накопителя на магнитных лентах. Теперь же новейшие I-Phone становятся доступны россиянам практически одновременно с остальным миром, что кажется зримым свидетельством приобщения к модерну.

Но о такой ли модернизации мечтают россияне, фактически наблюдающие деиндустриализацию страны и утрату некогда передовых позиций в области технологии, науки и образования? Не примешивается ли к чувству надежды на успешное «обновление» ощущение, что альтернативой модернизации выступает не застой и не топтание на месте? И что изменения идут, но в ином направлении, и идут достаточно быстро? Может быть, настало время поговорить о том, может ли модернизация, даже весьма успешная, быть тотальным процессом, т.е. основным содержанием всех социальных изменений. Это необходимо сделать хотя бы потому, что в современном российском обществе, невзирая на все «шараханья» в 90-е, несмотря на всю «стабилизационную» осторожность нулевых, медленно, но неуклонно идет совсем другой процесс – процесс социальной архаизации. Он кажется незаметным на фоне административно-бюрократической и политико-правовой стабильности, но его последствия могут иметь действительно судьбоносный характер. Аргументом в пользу этого может явиться предположение, что в терминах несуществующей еще

теории архаизации можно объяснить если не все, то многое, происходящее с обществом за последние два десятилетия.

Удивительное дело: феномен архаизации зачастую артикулируется интеллектуалами, властью и обществом в терминах и парадигмах функционализма, концепции устойчивого развития или даже теории модернизации. В этом случае архаизация квалифицируется то как дисфункция, то как коррупция, то как девиация. Чаще всего ее сравнивают с застоем, а иногда даже «обзывают» деградацией. Подобно тому, как зло в ряде теологических доктрин десубстантивируется и объясняется отсутствием добра, а корысть в сократовской этике приравнивалась к отсутствию разума, архаизация мыслится и воспринимается как чистое ничто, как отсутствие всякого действия. На самом же деле этот процесс имеет свою логику и свою прагматику. Более того, зачастую именно он сохраняет, пусть и в более примитивных формах, нормальную жизнь человека и общества.

Разумеется, нельзя все происходящее сводить к архаизации. Как и модернизация, архаизация не является единственным процессом, определяющим жизнь российского общества, но ее место и роль в происходящем весьма существенна. Причины того, что архаизация превратилась в «движущую силу» развития нашего общества, лежат на поверхности. Демонтаж социализма привел к частичному или полному исчезновению многих жизненно важных политических, правовых, экономических и собственно социальных институтов. Их отсутствие удается компенсировать только старыми, полузабытыми или даже заново открытыми, но непременно архаичными способами. Совсем без таких институтов не может существовать никакое общество, ибо без них нет возможности наладить никакое, даже самое элементарное человеческое взаимодействие. А то, что эти институты противоречат базовым ценностям россиян, то расставание с ценностями может оказаться предпочтительным, по сравнению с ситуацией социального хаоса и отсутствия всяких институтов.

Если не действуют суды или какие-то отдельные сферы деятельности остаются без правового регулирования, то рано или поздно появляются люди, готовые к применению самого жестокого и бесчеловечного насилия, и после их деятельности институт суда восстанавливается, пусть и в традициях древнего или даже доисторического «правоприменения». Сюжеты с бандитами навсегда остались одной из примет десятилетия, получившего название «лихие девяностые». Но при этом восстановленный таким способом порядок обеспечил, пусть и минимальное, но функционирование системы: не началась пресловутая война всех против всех, переход к которой даже в теории является чем-то вроде преодоления скорости света движущимися телами. Конечно, люди с паяльниками и утюгами выглядят очень непривлекательно, если сравнивать их с образами Солона или Со-

ломона, дошедшими до нас из глубины тысячелетий. Но появление таких «судей» и «правоприменителей» абсолютно неизбежно в любом обществе в условиях, когда происходит стремительный демонтаж социальных институтов или медленная, но неуклонная утрата ими собственной функциональности. Вот тогда-то и наступает архаизация.

Но если мы согласимся с тем, что архаизация имеет место, то возникает не менее важный вопрос: надо ли ею управлять и возможно ли это? Логичнее было бы пытаться ее предотвратить, бороться с нею, искоренять ее последствия во имя все той же модернизации. Конечно, модернизация лучше архаизации, особенно, если у нас есть возможность выбирать. Действительно, как все нормальные люди, мы хотим развиваться, двигаться от худшего к лучшему, от старого к новому. Поэтому, помимо модернизации, нам нужны еще стабильность и «устойчивое развитие». Нам абсолютно необходимо, чтобы общественные процессы были управляемыми, а не развивались сами по себе. Эти истины кажутся аксиомами, им созвучны тысячи речей политиков, журналистов, экспертов, исследователей разных уровней. А между тем архаизация, судя по научным публикациям, если где-нибудь и исследуется, то в только Казахстане и в молодых среднеазиатских государствах, или о ней ведут речь применительно к прошедшим историческим эпохам. К сожалению, число упоминаний об архаизации в отечественных научных исследованиях можно перечесть по пальцам. Да и оценивается этот процесс как однозначно негативный, как процесс, который необходимо пресекать, используя при этом все ту же модернизацию, а еще лучше — правоохранительные органы.

С правомочностью именованья явлений, ставших порождением архаизации, как противоправных и противозаконных, автор и не спорит, но вот сам феномен архаизации заслуживает большого внимания. Никто не задается простым вопросом: а что, если этот процесс неизбежен и естествен, по крайней мере, в определенные периоды развития общества? А если это в самом деле так, то с ним необходимо не только бороться путем его искоренения и подавления: важнее понять, можно ли им управлять. Ведь есть же в современном менеджменте целая теория управления конфликтами. Еще совсем недавно казалось, что конфликт есть однозначное зло и единственной реакцией на него может быть его «ликвидация» или, в мягкой формулировке, — «улаживание». Сегодня же теоретики говорят о различии дисфункциональных и функциональных конфликтов, о технологиях использования их во благо общего развития.

В то же время и в научной литературе, и в общественных дискуссиях, как уже отмечалось, доминирует точка зрения, отождествляющая архаизацию с абсолютным злом и оправдывающая любые методы борьбы с ней. Лучше всех это выразил М. Делягин, написавший в

«публицистически заостренной» статье следующее: «В последнее десятилетие в литературе, посвященной общественным проблемам, сначала тихо, почти неслышно, а затем все громче и громче зазвучал качественно новый термин: архаизация. В переводе с политкорректного на русский — деградация, скатывание в, казалось бы, навсегда канувшее в Лету прошлое, возвращение средневекового общественного устройства, которому, оказывается, отнюдь не мешают современные технологические достижения. Это опровержение казавшейся незыблемой идеи неуклонного прогресса человечества, — как технологического, так и особенно социального, — кажется дикостью и безумием, однако наглядные примеры налицо в самых разных сферах общественной жизни»¹.

Понятно, что Делягин квалифицирует как безумие стремление к архаике, элементы которой можно обнаружить в посткоммунистическом мире буквально повсюду — и в области символов, и в содержании социальных практик. Не только за эстетическим, но и за смысловым единством обращаются те, кто в одночасье «выбыл» из грандиозного проекта, устроенного большевиками на одной шестой части суши и продолжавшегося три четверти столетия. Отсюда и консервативные манифесты, и крестные ходы, и многое другое, придавшее облику современной России столь противоречивый и эклектический характер. Но не спор между либералами и романтиками о том, к чему необходимо осознано стремиться в области государственной символики, является поводом для написания данной статьи. Рискну предположить, что наряду со сферами, где «сам же человек и управляет», есть еще процессы, зарождающиеся и протекающие не столь управляемо. И, что самое интересное, это процессы, зачастую носящие не столь очевидный характер, чтобы стать предметом обсуждения.

Вроде бы всем понятно, что переход из одного состояния в другое связан с потерями, трудностями, издержками. Переоценка ценностей, трансформация институтов, рождение новой ментальности — вот чем всегда сопровождается переходный период в жизни общества. Вроде бы это всем понятно. Непонятно другое: насколько самоуверенным можно быть, выбирая себе новый путь, направление развития, способ действия, в оценке своих возможностей? Сразу после принятия в буквальном смысле судьбоносных решений о переходе к демократии, капитализму, рынку Россия произвела частичный и частично управляемый демонтаж государства, экономики, идеологии, образа жизни, мысли и действия. И то, что решения эти были приняты разными политическими и социальными субъектами, ничего не меняет. Что-то как будто оказалось выстрадано всеми и нашло отражение в общественном мнении/массовом сознании, что-то было даже проведено через легитимизирующие процедуры (указ, закон, референдум), что-то усилиями публицистов было представлено как

коллективный выбор или даже вдруг открывшаяся очевидность. Но результат оказался именно таким, каким он оказался. Как и его последствия, которые также оказались совсем не такими, на которые рассчитывали горячие сторонники преобразований: общество стало на путь широкомасштабной архаизации. И все управление им свелось именно к управлению архаизацией. Но при этом объект управления описывался в терминах теории модернизации, правда, с выделением специфических особенностей и констатацией отдельных негативных факторов. Вот почему управление архаизацией оказалось реактивным и малоэффективным.

Итак, архаизация! Хорошо это или плохо? Вопрос, конечно, интересный, но давать оценки действиям «крота истории» вряд ли имеет смысл. А вот вопрос в том, можем ли мы препятствовать архаизации, можем ли мы ее отменить или предотвратить, имеет вполне определенный смысл. По моему мнению, управление архаизацией сделает ее последствия значительно менее болезненными для общества, вернет социальным процессам столь желанную управляемость и создаст саму возможность обсуждения темы модернизации, причем не в жанре утопии и заведомого прожектерства, а на твердом фундаменте теоретического знания и с применением проектно-аналитических методик, адекватных поставленным задачам. Но для этого необходимо сделать главное — назвать вещи своими именами или, может быть, дать имена тем процессам и явлениям, которые нуждаются в этом.

Коррупция — это очень плохо, бандитизм — это ужасно, причем абсолютно ужасно, без каких бы то ни было оговорок. Но что делать в условиях, когда лавинообразный рост определенных видов поведения совершенно неизбежен? Ответ на этот вопрос находят применительно к чрезвычайным ситуациям, например, когда в условиях наводнений и землетрясений санкционируют применение к мародерам самых жестоких мер, защищая не только жизнь, права и достоинство остальных членов общества, но и социальный порядок как таковой. А вот что делать, если условия и последствия наводнения или землетрясения сохраняются в течение многих лет и даже десятилетий? Что, если рассматривать перестройку, отделение республик и шоковую терапию как явления, породившие непрекращающееся социальное «землетрясение»?

Продолжая аналогию, можно объяснить, почему социальное землетрясение не оказалось кратковременным, не уложилось ни в пресловутые 500 дней, ни в пару-тройку лет. Предположим, что толчки, вызванные законами и указами, давно прошли, но другие толчки, вызываемые падением зданий и сооружений, продолжают. И их разрушительная сила может даже превосходить первые. Перейдя все границы аналогии, можно пофантазировать, представив себе такую картину: с грохотом рушатся социальные институты, обломки кото-

рых, обладающие немалой поражающей силой, разлетаются на большие расстояния. Как и любые рукотворные конструкции, социальные институты также могут иметь разные уровни инертности, разные скорости естественного умирания, различные жизненные циклы. Поэтому смерть института семьи может не состояться вовсе, а вот исчезновение науки и гибель образования, хотя и являются вполне реальными, могут не совпадать по времени. Что заставило архаизироваться и погрузиться в тысячелетний сон социальные институты ближневосточных обществ, некогда обеспечивавшие их потребности в инновационном развитии?

В.Г. Федотова обратила внимание на то, что в современной России все возможное многообразие форм социальной жизни свелось к двум: выживанию и обогащению. «Сведение общества к адаптации, присущей как выживанию, так и обогащению — двум основным российским формам жизни — представляет собой предельное упрощение социальной реальности, чреватое тяжелыми последствиями»².

Кто-то стремится просто выжить, а кто-то еще и становится обладателем богатства, но только делает это не благодаря созиданию: захватывает, ворует, мародерствует, т.е. участвует в разделе уже существующего богатства, вдруг ставшего бесхозным, или в его переделе, хотя в условиях исчезновения возможности позаботиться о завтрашнем дне посредством «общественно полезного труда» мародерство также можно отнести к стратегиям выживания.

Говоря об особенностях государственного и муниципального управления, можно отметить крайне низкую степень управляемости объектом. Иными словами, у субъекта управления чрезвычайно мало возможностей управлять. Когда я иду по дну неглубокого водоема или бассейна, находясь по шею в воде, мои возможности управлять своим телом существенно снижаются. Я не могу бежать, и любое мое действие, совершаемое при помощи рук или ног, требует значительно больших затрат сил, а многие действия становятся или невозможными, или бессмысленными. Так же выглядит система управления современным российским обществом. Особенно отчетливо это заметно при желании осуществить любые реформы, любую модернизацию.

В самом обществе, в системе распределения власти и богатства мы наблюдаем то, что в значительно меньших масштабах существовало и прежде, только в советский период это беспощадно «клеямили» и «изживали» как пережитки «проклятого прошлого», а сегодня эта тема исчезла из обсуждения, как исчез и сам механизм официальной подготовки кадров. Всевозможные положения о госслужбе, конкурсах и т.п. разработаны таким образом, что соблюдение буквы закона даже теоретически не может сопровождаться соблюдением его духа. Кумовство, землячество, родственные и даже племенные отношения не просто не изжиты, но становятся «движущими силами» проис-

ходящих изменений. И богатство, и власть все более передаются по наследству. О том, что в современном российском обществе возрождаются черты средневековых социальных отношений, писали и публицисты, и академические ученые. Достаточно упомянуть статью А. Филиппова, где авторитетный социолог обосновывает тезис о том, что не власть в нашей стране противостоит обществу, а знать — народу³. Непонятно только, как этому эффективно противостоять, ибо в данном процессе хорошо представлены интересы лишь одной стороны, и на повестке дня — проблема легитимации подобных практик. И хотя сегодня случаи наследования административной власти как гарантии наследования богатства носят скорее единичный характер, именно об этом мечтают все те, кто преуспел в выживании и обогащении. Если не пытаться, хотя бы спустя два десятилетия, управлять архаизацией, сама система управления будет все более архаичной.

Что же делать? Ждать и управлять реактивно, т.е. реагировать на сбои системы, которая почему-то не поддается модернизации и становится все менее управляемой? Или понять, что процесс архаизации — это естественный процесс, что-то вроде исторической неизбежности, возникающей всякий раз, когда наблюдаются эффекты упрощения системы, истощения ресурсов, изменения функций и т.п.? Думаю, что ответ очевиден. Управляемый процесс всегда предпочтительнее неуправляемого, а предсказуемый лучше непредсказуемого. Гораздо важнее вопросы о том, как управлять архаизацией и во имя каких целей. Каковы запреты (этика), методы (технология) и цели (телеология) той деятельности, которая в нашей статье обозначена как управление архаизацией? Как надо управлять архаизацией, чтобы минимизировать ее негативные последствия и не перейти при этом границы допустимого?

Говоря об этике применительно к вопросу управления социальной архаизацией, необходимо, прежде всего, отметить, что тема эта крайне сложна. В условиях, когда вся система ценностей детерминирована учением о прогрессе, сама идея управления «обратным» ходом развития кажется чем-то кощунственным, чем-то вроде сотрудничества с силами зла. Абстрагируясь от эмоций, необходимо отметить, что основная этическая проблема связана с необходимостью выбора жертвы, ибо в ходе архаизации жертвы неизбежны, а в случае управляемой архаизации есть возможность определить, чем именно придется пожертвовать.

В историческом прошлом можно обнаружить все, что угодно, но не все это можно представить в настоящем и ближайшем будущем, даже если мы смирились с тем, что это будущее архаизируется. Что-то кажется совсем диким и, соответственно, неприемлемым. А что-то всего лишь нежелательным. Скажем, каннибализм, даже ритуальный, менее приемлем, нежели криминальная коммерциализация отношений врача и

пациента. И то, и другое — архаизация, но архаизация разной глубины. И дело даже не в размере исторической дистанции, отделяющей нас от первого и второго типов действия. Дело в уровне несоответствия той системе ценностей, которая на данный момент все еще разделяется современным обществом и служит его интегрирующим началом. Но и само управление архаизацией осуществляется во имя некоторых важнейших ценностей, жертвовать которыми нельзя ни при каких обстоятельствах. Так, в самом начале 90-х может быть и можно было спасти советскую науку, радикально сократив не реальную зарплату научных работников, а их число. Но здесь возникают вопросы, относящиеся к сфере технологии: были ли у власти ресурсы и есть ли они сейчас для того, чтобы отделить настоящих ученых от не настоящих? Как найти экспертов и как заставить их быть независимыми и беспристрастными? И как отважиться сохранить каждого десятого или даже каждого сотого профессора, каждого сотого аспиранта? В начале 90-х многие понимали, что это был единственный шанс сохранить за Россией статус познающего общества. Но логика социальных систем и политических решений в условиях разговоров о модернизации не позволяла даже говорить на эту тему. Вместо этого общество и власть предпочли наблюдать за стремительным ростом количества вузов, числа оступенных и студентов. Неуправляемая архаизация идет параллельно с прекрасно организованной коррупцией, но побороть коррупцию невозможно, не справившись с архаизацией, не сделав ее поистине управляемой.

Так что же должно лечь в основу этики управления архаизацией, где границы приемлемого? И чем определяются эти границы в условиях, когда необходимо из двух зол выбирать меньшее? Нет сомнения в том, что архаизация — это зло, и зло по определению. Не вступаем ли мы, таким образом, в союз с дьяволом? А может быть именно в бездействии и замалчивании сути происходящего и состоит настоящее сотрудничество с этим пресловутым прародителем зла? Этика управления архаизацией в самом общем виде должна строиться исходя из двух принципов:

- 1) сохранение максимального объема социальных, материальных и духовных ценностей;
- 2) максимально равное распределение потерь ценностей, причиной которых является архаизация.

В наши дни для любого изменяющегося общества наряду с архаизационными потерями неизбежны и утраты, обусловленные глобализацией. В сфере политики и права — это более или менее существенное ограничение суверенитета, в сфере экономики — разделение труда во всемирном масштабе, в сфере культуры — возможность цивилизационного выбора. Даже в сфере личности складывается ситуация, получившая название лабиринта идентичностей, где социальные потери также неизбежны. Эти потери могут накладываться на потери

архаизационные, но далеко не всегда здесь действует принцип суперпозиции: иногда целесообразно усиливать их, иногда — ослаблять, а иногда и дополнять.

Ставя вопрос о телеологии, мы с неизбежностью вернемся к основам любой прагматики: цель должна либо сама быть из разряда ценностей, либо представлять собой эффективное средство в цепи целеполаганий, приводящих к ценности. При этом нельзя избежать вопросов о том, что есть общественное и индивидуальное благо, каковы частные цели в условиях выживания. И если жизнь в условиях выживания — главная цель, то как определить весь перечень средств и «второстепенных» целей, таких, например, как спасение социальных институтов, структур и практик, для нормального функционирования которых нет ни достаточных ресурсов, ни социальных условий, обеспечивающих обратную связь и интеграцию в целом?

Технология консервации определяется и телеологией, и этикой, но не всегда их союзом, нередко выбор дорожной карты архаизации может быть определен на фоне их конфликта. Этика, утверждающая, что должно, что можно и чего нельзя, выступает и как сдерживающая, и как диктующая цели и средства инстанция. Недопущение формулы «цель оправдывает средства» — вот главный императив участия этики в управлении, приобретающий особое значение в условиях архаизации и прежде всего таких ее практик, как консервация, утилизация, понижающая трансформация.

Технология архаизации разрабатывается с учетом темпоральной асимметрии модернизации и архаизации: последовательность возникновения и иерархия функционирования структур, институтов и практик не обязательно будут воспроизводиться в обратном порядке. Иногда «последние» становятся «первыми», иногда «первые» там превращаются в «первых» здесь, иногда никакого принципа обнаружить не удастся — наблюдается лишь хаотическое (или выглядящее как хаотическое) движение. Многое здесь зависит от источников и движущих сил изменений, вызвавших архаизацию, а многое — от того, является ли архаизация доминирующим процессом или она есть неизбежный и побочный продукт модернизации. «Когда строят образцовые города, создают образцовые функции, образцовые искусственные ансамбли, все остальное превращается как бы в остатки, в отбросы, в бесполезное наследие прошлого. Строя автостраду, супермаркет, супергород, вы автоматически превращаете все, что их окружает, в пустыню. Создавая автономные сети сверхкоростного, программируемого передвижения, вы тут же превращаете обычное, традиционное пространство взаимодействия в пустынную зону»⁴.

Несомненно, управление архаизацией является разновидностью социальной рационализации. Мы уже умеем управлять развитием, мы умеем рационализировать социальное в условиях развития. Нет,

не на практике, а прежде всего в теории. Но пока только экономисты создали модели кризисного управления, а также разработали правовые механизмы банкротства и ликвидации предприятий. В области социального об этом старались не говорить, это старались не обсуждать. Как при рассказе о болезни проявлением древнего суеверия является требование не показывать на себе места чужих болезней, так и тема архаизации, даже неизбежной, является жестко табуированной. Принцип честности, и только он, дает возможность избежать еще более глубокой архаизации, еще более тяжелых ее последствий. Дальнейший распад таких традиционных институтов, как семья или соседство (проживание по соседству), никак не препятствует разрушению социальных структур высокой степени рационализации, основанных на образцовой бюрократии. То, что дети стараются поскорее избавиться от влияния родителей, а удельный вес и влияние нуклеарной семьи в обществе неуклонно снижается, никак не препятствует восстановлению архаичных форм в отношениях власти — подчинения или распределения ограниченных ресурсов. Социальный модерн идет рука об руку с архаизацией.

Технология управления архаизацией должна быть выстроена на двух уровнях существования общества: на уровне системы и на уровне жизненного мира. Социальные институты и структуры архаизируются, как уже отмечалось, независимо от желания индивидов и целых коллективов. Так, в условиях деиндустриализации, когда сложившиеся институты науки и образования перестают быть частью сложной системы производства, из-за отсутствия обратной связи они лишаются не только важнейшего стимула к развитию, но и необходимого ресурса, обеспечивающего их функционирование.

Управление архаизацией способно сохранить те части научно-образовательного комплекса, которые востребованы даже в условиях деиндустриализованного общества (медицина, юриспруденция, педагогика), а также обеспечить приемлемый режим для сокращения технико-технологических составляющих. Совершенно очевидно, что неспособность государства обеспечить прежние объем и качество медицинского обслуживания в условиях управляемой архаизации должна привести к планомерному и гласному снижению объема, но с сохранением качества и равного доступа к уменьшающимся благам. В то же время, в условиях неуправляемой архаизации негласно, но очевидно снижается качество медицинского обслуживания, а также усиливается неравенство в доступе к медицинским услугам.

Интересен также вопрос о том, можно ли свести управление архаизацией к администрированию, или эффективное управление архаизацией возможно лишь в условиях широкой разъяснительной работы и самоуправления? Эффективное управление архаизацией не сводится к управлению организациями, т.е. структурами и отдельными инсти-

тутами, и оно никогда не будет эффективным без управления самим обществом посредством влияния на социальный жизненный мир, а также путем активного включения механизмов самоуправления. Но при этом нельзя забывать и стратегии максимального сбережения главных достижений модерна – будь то ценности или цели.

Подводя итог вышеприведенным размышлениям, можно утверждать, что управление архаизацией является необходимым условием элементарного выживания, не говоря уж об успешной модернизации. Наряду с управлением, должно также возникнуть и архаизационное самоуправление, смысл которого не в том, чтобы упрощаться ради самого упрощения, а в том, чтобы спасти и сохранять то, что можно спасти в условиях стремительно сокращающихся ресурсов. Рискну предположить, что в данных непростых условиях может быть именно такой опыт рационального действия откроет российскому обществу долгожданный путь к модерну.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Делягин М. Архаизация как основная тенденция современности // Сетевой журнал «Переправа» 03.12.10 /<http://www.pereprava.org/>

² Федотова В.Г. Хорошее общество. – М.: Прогресс-Традиция, 2004. – С. 10.

³ Филиппов А.Р. Не власть и общество, а знать и народ // <http://www.russ.ru/Mirovaya-povestka/Ne-vlast-i-obschestvo-a-znat-i-narod>

⁴ Бодрийяр Ж. Город и ненависть // Логос. 1997. № 9. – С. 108.